

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.046-055

Л. В. Терентьева*

Категория «тесная связь» в международном гражданском процессе и коллизионном праве¹

Аннотация. Использование понятия «тесная связь» в коллизионном праве и международном гражданском процессе обуславливает постановку вопроса, насколько возможным является его единообразное толкование как в качестве основания установления судебной юрисдикции по разрешению трансграничных частноправовых споров, так и в качестве основания выбора применимого права.

При исследовании тесной связи в рамках коллизионного регулирования автором статьи наряду с понятием «тесная связь» оцениваются понятия «связь только с одной страной» и «наиболее тесная связь». В статье также рассмотрено понятие Proper law (свойственное (надлежащее) право), которое, как правило, в российской доктрине отождествляется с категорией тесной связи.

Анализ тесной связи в качестве основания установления судебной юрисдикции позволил прийти к выводу о необходимости дифференцированного подхода к определению содержания тесной связи в рамках коллизионного права и международного гражданского процесса. Такое предположение обусловлено тем, что при установлении судебной юрисдикции по рассмотрению трансграничных частноправовых споров на основании тесной связи решается специальная задача преодоления конфликта юрисдикции при соблюдении принципа равенства между судебными процессами различных государств, а также принципа международного судебного сотрудничества. Кроме того, в рамках международного гражданского процесса понятие «иностраннный элемент», обуславливающее проявление тесной связи спорного правоотношения с государством суда, может быть наделено дополнительным содержанием помимо того, которое придается иностранному элементу в рамках коллизионного права, а именно: истребование доказательств за рубежом; исполнение судебного поручения за рубежом и др.

Ключевые слова: тесная связь; связь только с одной страной; наиболее тесная связь; коллизионное регулирование; коллизионное право; международный гражданский процесс; разрешение трансграничных частноправовых споров; выбор применимого права; Proper law; свойственное (надлежащее) право; судебная юрисдикция по рассмотрению трансграничных частноправовых споров; конфликт юрисдикции иностраннный элемент.

Для цитирования: Терентьева Л. В. Категория «тесная связь» в международном гражданском процессе и коллизионном праве // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 6. — С. 46–55. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.046-055.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16061.

© Терентьева Л. В., 2021

* Терентьева Людмила Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

terentevamila@mail.ru

"Close Connection" Category in International Civil Procedure and in Conflict of Laws ²

Lyudmila V. Terentyeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
terentevamila@mail.ru

Abstract. The use of "close connection" in conflict of laws area and in international civil procedure preconditions the question whether it is possible to interpret it uniformly both as a basis for establishing the jurisdiction to resolve cross-border private law dispute, and as a basis for choosing the applicable law.

When studying close connection within the framework of conflict-of-laws regulation, the author of the paper, along with the concept of "close connection" examines the concepts of "connection with only one country" and "the closest connection". The paper also discusses the concept of Proper law which, as a rule, in the Russian doctrine is identified with the category of close connection.

Analysis of the close connection as the basis for establishing jurisdiction has led to the conclusion that it is necessary to apply a differentiated approach to determining the content of close connection within the framework of Conflict of Laws and international civil procedure. This assumption is based on the fact that when establishing jurisdiction to consider cross-border private law disputes on the ground of a close connection, a special task is solved to overcome the conflict of jurisdiction while observing the principle of equality between judicial procedures of different states, as well as the principle of international judicial cooperation. In addition, within the framework of the international civil procedure, the concept of "foreign element" preconditioning the manifestation of a close connection of the disputed legal relationship with the court of the state, can be endowed with additional content except the content attached to the foreign element within the framework of the conflict of laws, namely: obtaining evidence abroad; enforcement of a court order abroad, etc.

Keywords: close connection; connection with only one state; closest connection; conflict-of-laws regulation; conflict of laws; international civil procedure; resolution of cross-border private law disputes; choice of applicable law; Proper law; inherent (proper) law; judicial jurisdiction for the consideration of cross-border private law disputes; conflict of jurisdiction; foreign element.

Cite as: Terentyeva LV. Kategoriya «tesnaya svyaz» v mezhdunarodnom grazhdanskom protsesse i kollizionnom prave ["Close Connection" Category in International Civil Procedure and in Conflict of Laws]. *Lex russica*. 2021;74(6):46–55. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.046-055. (In Russ., abstract in Eng.).

Категория тесной связи в коллизионном регулировании, будучи основным началом правовой регламентации всего комплекса трансграничных гражданско-правовых отношений³, обозначила одну из важнейших тенденций коллизионного права — гибкость регулирования.

В ГК РФ наряду с категорией тесной связи (ст. 1192, п. 3 ст. 1219) используются понятия «связь только с одной страной» (п. 5 ст. 1210, п. 2 ст. 1223) и «наиболее тесная связь» (п. 2

ст. 1186, ст. 1188, п. 9, п. 10 ст. 1211, ст. 1213). Последнее отражает степень связи между правом соответствующей страны и правоотношением.

Как представляется, в определении «тесная связь» уже заложены гравитационные характеристики договора⁴. В связи с этим дополнительная характеристика «наиболее» становится излишней ввиду того, что понимание принципа тесной связи имманентно содержит в себе

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16061.

³ Международное частное право : учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой. М., 2016. С. 34 (автор главы — Г. К. Дмитриева) ; *Стригунова Д. П.* Правовое регулирование международных коммерческих договоров : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2018. Т. 2 ; *Асосков А. В.* Основы коллизионного права. М. : Инфотропик Медиа, 2013. С. 12 ; *Он же.* Принцип наиболее тесной связи в современном международном частном праве // Законодательство. 2010. № 11. С. 79–86.

⁴ В случае договора, состоящего из связи прав и обязанностей, которые могут быть отнесены к нескольким категориям договоров, исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора, должно определяться относительно его центра тяжести (п. 19 Регламента Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 17.06.2008 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» (далее — Рим I)).

необходимость поиска наиболее адекватного права. В договоре может быть найден только один центр тяжести.

Разница в понятиях «тесная связь» и «наиболее тесная связь» в доктрине усматривалась в том, что «тесная связь» может обнаруживать связь с правопорядками сразу нескольких государств, тогда как категория «наиболее тесная связь» — только с одним⁵. Понятие «связь» в философском смысле используется для отражения свойства зависимости, взаимообусловленности, присущего всем явлениям бытия. Основание связи — общее свойство, признак, отношение, делающее возможной связь⁶. Принцип тесной связи проистекает из философско-правовой идеи о том, что каждое правоотношение должно регулироваться правом, наиболее адекватно отражающим суть явления⁷.

Обозначение связи прилагательным «тесная» уже несет в себе определенную качественную характеристику степени связи правоотношения с правом государства, которая не нуждается в дополнительном свойстве «наиболее», которое несколько перегружает данную конструкцию.

В то же время конструкция «наиболее тесная связь» будет иметь смысл в случае смещения центра тяжести, т.е. в целях отступления от установленных коллизионных правил, применение которых в конкретном случае не будет отражать тесной связи правоотношения и права государства, применимого в соответствии с данной коллизионной нормой. Такую корректирующую (исключающую) функцию конструкция тесной связи выполняет в п. 9 ст. 1211 ГК РФ. Данный пункт предусматривает, что если из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела явно вытекает, что

договор более тесно связан с правом иной страны, чем та, которая указана в п. 1–8 ст. 1211 ГК РФ, подлежит применению право страны, с которой договор более тесно связан.

В данном случае слово «наиболее» позволяет осуществить коррекцию коллизионной нормы в целях дополнительного исследования на предмет наличия правопорядка, с которым отношение наиболее тесно связано по сравнению с заданным центром тяготения, который заложен в сформулированных законодателем жестких коллизионных привязках.

А. В. Асосков, исследуя принцип тесной связи, отмечает ряд различных обозначений, под которыми она известна в зарубежной научной литературе: *closest connection*, *most significant relationship*, *proper law*, *proximity principle*, *engsten Zusammenhang*, *starksten Beziehung*, *engsten Verbindung*⁸.

В российской доктрине, как правило, категория тесной связи отождествляется с термином *Proper law* (свойственное (надлежащее) право)⁹, введенным в научный оборот Дж. Уэстлейком. Дж. Уэстлейк определил *proper law* как закон страны, с которой договор имеет наиболее реальную связь (*most real connection*)¹⁰.

Более подробно проблема соотношения тесной связи и права, свойственного договору (*Proper law*), отражена в работе Ф. А. Манна. Автор указывает на подвижность категории *Proper law* и отмечает, что в большей степени она имеет смысл для некодифицированной системы права, потому свойственна для английского права, отчасти для права США и фактически не известна континентальному праву¹¹. При этом, как отмечено автором, синонимия права, свойственного договору, с правом наиболее тесной связи является неточной, поскольку буквально

⁵ Буланов В. В. Наиболее тесная связь как процессуальная категория // Бизнес в законе. 2012. № 2. С. 103–105.

⁶ Философия : практическое руководство : учебно-методическое пособие / Магнитогорский гос. технический ун-т имени Г. И. Носов», каф. филос. ; сост.: А. Т. Лымарь. Магнитогорск : МГТУ имени Г. И. Носова, 2009.

⁷ Стригунова Д. П. Указ. соч.

⁸ Асосков А. В. Принцип наиболее тесной связи в современном международном частном праве.

⁹ Ануров В. Н. Конфликт юрисдикций при оспаривании арбитражного соглашения. М. : Инфотропик Медиа, 2013 ; Международное частное право : учебник / под ред. Н. И. Марышева. М. : ИЗСП при Правительстве РФ, Контракт, 2018 ; Международное частное право : учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой (автор гл. 5 — Г. К. Дмитриева). С. 130 ; Стригунова Д. П. Указ. соч.

¹⁰ Цит. по: Стригунова Д. П. Указ. соч.

¹¹ Mann F. A. The proper law in the conflict of laws // The International and Comparative Law Quarterly. 1987. Vol. 36. No 3. P. 437–438.

Proper law обозначает правовую систему, применимую к соответствующим отношениям¹².

По мнению Ф. А. Манна, категория Proper law является не вполне точным словосочетанием, поскольку не отвечает на вопрос, как ее найти, а также не указывает, осуществляется ли поиск фактической или юридической связи¹³. Вся коллизия законов, отмечает автор, связана с вопросом: какая правовая система в данной ситуации тесно или наиболее тесно связана с рассматриваемым вопросом, но правовое положение физических и юридических лиц определяется не законом, указывающим на тесную связь, а их domiciliem, местом их регистрации¹⁴.

Отождествление категорий Proper law и тесной связи можно также объяснить тем, что Proper law of contract (свойственное договору право) определялось в доктрине на основании тесной связи. Изначально Proper law of contract заключалось в установлении предполагаемого намерения сторон путем толкования договора.

В деле *Vita Food Products Inc. v. Unus Shipping Co.* было отмечено, что свойственным договору является право, которое стороны намеревались применить. Когда намерение сторон в отношении права, регулирующего договор, в договоре не выражено, оно может быть выведено из условий и характера договора, а также из общих обстоятельств дела, что и составляет свойственное договору право (proper law of contract)¹⁵.

В последующих делах *Coast Lines Ltd. v. Hudig and Veder Chartering*¹⁶ и *Boissevain v. Weil*¹⁷ свойственное договору право определялось не только исходя из намерения сторон, но и пу-

тем определения наиболее тесной и реальной связи договора с системой права, если намерение сторон применить право не выражено и не вытекает из обстоятельств. В этой связи в англосаксонской доктрине под правом, свойственным договору, понимается либо прямо или косвенно выбранное право сторонами, либо право, наиболее тесно связанное с договором¹⁸.

В российской правовой системе оценка факторов, лежащих в основе применения тесной связи, осуществляется правоприменителем. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что содержание тесной связи не является статичным. Так, на протяжении долгого времени тесная связь договора моделировалась с местом его совершения («место рождения» договора — по аналогии с местом рождения или происхождения человека)¹⁹, что на сегодня с учетом возможности заключения договоров с помощью информационно-коммуникационных технологий не отражает тесной связи договора с местом его заключения²⁰.

До 2013 г. в п. 1 ст. 1211 ГК РФ категория тесной связи выступала субсидиарной привязкой в отсутствие выбора применимого к ним права. Последующие изменения коллизионного регулирования в Регламенте Рим I отразились и на ст. 1211 ГК РФ. На сегодняшний день в п. 1 ст. 1211 ГК РФ предусмотрено, что при отсутствии соглашения сторон о применимом праве к договору применяется право страны, где на момент его заключения находится место жительства или основное место деятельности стороны, осуществляющей исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора.

¹² Mann F. A. Op. cit. P. 438.

¹³ Mann F. A. Op. cit. P. 438.

¹⁴ Борисов В. Н., Власова Н. В., Лазарева Т. П., Марышева Н. И., Муратова О. В., Хлестова И. О., Шестакова М. П. Внедоговорные обязательства в международном частном праве. М. : ИЗСП при Правительстве РФ; Норма: Инфра-М, 2017.

¹⁵ Dicey & Morris. Conflict of Laws. London : Stevens & Sons Ltd., 1973. P. 761.

¹⁶ *Coast Lines Ltd. v. Hudig and Veder Chartering NV*[1972] 2 QB 34 // URL: <https://www.i-law.com/ilaw/doc/view.htm?id=147052> (дата обращения: 14.07.2020).

¹⁷ *Boissevain v Weil* [1948] 1 All Eng.L.R.893.

¹⁸ Dicey & Morris. Conflict of Laws. P. 724 ; Marshall B. A. Reconsidering The Proper Law of the Contract // Melbourne Journal of International Law. 2012. Vol. 13. P. 506.

¹⁹ Стригунова Д. П. Указ. соч.

²⁰ Между тем данная привязка предусмотрена в п. «е» ст. 11 Киевского соглашения СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, 1992 г., в ст. 41 Минской конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., в ст. 44 Кишиневской конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г.

В пункте 2 ст. 1211 ГК РФ перечислены субсидиарные привязки второго порядка в виде определенных презумпций характерного исполнения для различных видов договоров.

В работе А. В. Асоскова, в которой приводится комментарий гамбургского Института имени Макса Планка к проекту Регламента Рим I, подвергается критике отказ от гибкости при определении права, применимого к договорам в отсутствие выбора сторон. Автором отмечено, что такой подход хотя и способствует правовой определенности и унифицированному применению будущего акта Сообщества, но не оставляет судьям места для сбалансированного подхода к коммерческим интересам и адаптации нормы к потребностям имущественного оборота²¹. Похожая оценка дана и в работе Д. П. Стригуновой, в которой абстрактный критерий наиболее тесной связи охарактеризован в качестве обеспечивающего наибольшую гибкость коллизионного правового регулирования международных коммерческих договоров²².

В российской доктрине отмечена необходимость при выборе применимого права принимать во внимание не один какой-либо формальный критерий, а всю совокупность фактических обстоятельств конкретного отношения²³. Так, А. В. Асосков справедливо обращает внимание, что наиболее тесная связь не обязательно проявляется в отношении того правопорядка, с которым имеется чисто количественное преобладание фактических контактов, поскольку первостепенное значение имеют их интенсивность и значение для конкретного коллизионного института и обстоятельств индивидуального спора²⁴.

Уточнение содержания тесной связи имело место в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» (далее — Постановление Пленума № 24).

В указанном Постановлении суду рекомендовано при определении наиболее тесной связи на основе изучения существа возникших правоотношений сторон, а также совокупности

иных обстоятельств дела определять преобладающую территориальную связь различных элементов правоотношения с правом конкретного государства, в частности учитывать: место жительства и гражданство сторон — физических лиц; основное место деятельности и место учреждения сторон — юридических лиц; место нахождения обособленного подразделения юридического лица, участвовавшего в заключении договора; место нахождения объекта гражданских прав, по поводу которого возникло правоотношение; место исполнения обязательств.

При определении наиболее тесной связи, сказано в Постановлении Пленума № 24, важна оценка того, право какой страны позволит наилучшим образом реализовать общепризнанные принципы гражданского права и построения отдельных его институтов (защита добросовестной стороны, недопустимость извлечения преимуществ из своего недобросовестного поведения, запрет злоупотребления правом, защита слабой стороны, предпочтительность сохранения действительности сделки, запрет необоснованного отказа от исполнения обязательства и т.п.).

Таким образом, пункт 6 Постановления Пленума № 24 предусматривает необходимость принятия во внимание как территориальной (фактической), так и правовой локализации при толковании тесной связи. К последней следует отнести оценку судом, право какой страны будет наилучшим образом реализовывать общепризнанные принципы гражданского права и построения отдельных его институтов.

Данный механизм в определенной степени воспроизводит механизм, отображенный в работе В. Л. Толстых: при поиске «близкого» права необходимо учитывать как связь отношения с территорией данного государства (территориальную локализацию элементов отношения), так и связь отношения с правопорядком данного государства (правовую локализацию элементов отношения). Территориальная локализация является объективной характеристикой отношения, правовая локализация представляет собой

²¹ Асосков А. В. Принцип наиболее тесной связи в современном международном частном праве.

²² Стригунова Д. П. Указ. соч.

²³ Международное частное право : учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой (автор гл. 1 — Г. К. Дмитриева). С. 34 ; Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. М., 2002. С. 317 (автор комментария — М. М. Богуславский).

²⁴ Асосков А. В. Принцип наиболее тесной связи в современном международном частном праве.

действие норм публичного права и является его субъективной характеристикой²⁵. Похожим образом в работе Ф. А. Манна была отражена юридическая и фактическая составляющая, положенная в основу тесной связи²⁶.

В 2002 г. впервые в российском Арбитражном процессуальном кодексе, наряду с территориальными критериями, в п. 10 ч. 1 ст. 247 была предусмотрена возможность установления арбитражными судами своей юрисдикции при наличии тесной связи спорного правоотношения с территорией РФ.

В 2017 г. пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»²⁷ (далее — Постановление Пленума № 23), в свою очередь, впервые придал категории тесной связи как основанию установления судебной юрисдикции по рассмотрению трансграничных частноправовых споров значение принципа, который лежит в основе общих правил определения компетенции арбитражных судов РФ.

В соответствии с п. 15 Постановления Пленума № 23 тесная связь должна устанавливаться арбитражным судом в каждом конкретном случае с учетом всей совокупности обстоятельств дела. При этом в перечисленных в Постановлении факторах, свидетельствующих о тесной связи, имеет место локализация элементов как материального, так и процессуального правоотношения в виде местонахождения доказательств, ориентирования коммерческой деятельности на территорию РФ, места исполнения значительной части обязательств, тесной связи предмета спора с территорией РФ и т.п.

А. О. Осипов считал необходимым использование одинакового подхода к толкованию тесной связи как в процессуальном, так и в коллизионном праве, который заключается в тщательном исследовании обстоятельств дела во всей их совокупности²⁸.

Иной подход отражен в работе В. Л. Толстых, в которой выявлены разные цели коллизионных

и юрисдикционных привязок. Если в первом случае, по мнению автора, цель коллизионной нормы заключается в отыскании права, близкого к общественному отношению, с учетом его территориальной и правовой локализации, то перед процессуальными нормами стоит цель эффективной защиты нарушенного права²⁹.

Как представляется, цель эффективной защиты нарушенного права входит в общий круг задач, стоящих перед судом, в виде защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и интересов граждан, организаций, прав и интересов РФ, субъектов РФ, муниципальных образований.

Именно в целях эффективной защиты нарушенного права в п. 6 Постановления Пленума № 24 сформулированы такие оценочные факторы, положенные в основу тесной связи, как защита добросовестной стороны, недопустимость извлечения преимуществ из своего недобросовестного поведения, запрет злоупотребления правом, защита слабой стороны, предпочтительность сохранения действительности сделки, запрет необоснованного отказа от исполнения обязательства.

Установление судебной юрисдикции и выбор применимого права происходит на разных временных отрезках, но в рамках одной системы координат. В связи с этим можно согласиться с высказанным А. О. Осиповым предположением о том, что толкование категории «тесная связь» и в случае установления юрисдикции, и в случае выбора применимого права имеет одинаковый вектор направленности³⁰. Но в то же время, если продолжать аллюзии правовых категорий с категориями линейной алгебры, не представляется возможным говорить о равнозначности величин указанных векторов при толковании тесной связи в коллизионном и процессуальном праве.

Специфика этапа установления судебной юрисдикции отличается от особенностей этапа выбора применимого права.

При решении юрисдикционного вопроса у суда имеется только два варианта. Суд определяет наличие или отсутствие своей юрисдикции.

²⁵ Толстых В. Л. Коллизионное регулирование в международном частном праве: проблемы толкования и применения раздела VII части третьей ГК РФ. М. : Спарк, 2002. С. 40–41.

²⁶ Mann F. A. Op. cit. P. 438.

²⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

²⁸ Осипов А. О. Институт международной подсудности в арбитражном процессе. СПб. : Юридический центр, 2014. С. 130.

²⁹ Толстых В. Л. Указ. соч. С. 40–41.

³⁰ Осипов А. О. Указ. соч. С. 122.

Тогда как при поиске применимого права решение коллизионного вопроса отличается большей вариативностью, принимая во внимание, что наряду с российским правом может быть избрано право любого иностранного государства.

Потенциальная возможность выбора права любого государства предполагает последующую работу правоприменительного органа с выбранным правом. Такого рода процесс может быть обозначен в виде полного цикла, включающего в себя две стадии: сначала судом осуществляется выбор применимого права, затем спор рассматривается этим же судом в соответствии с данным правом.

Установление юрисдикции может быть осуществлено в виде усеченного цикла: правоприменительный орган при принятии решения о невозможности реализации собственной юрисдикции не может определять юрисдикцию иностранного суда и осуществлять влияние на рассмотрение конкретного дела.

Указанная специфика влияет на необходимость формулирования самостоятельного содержания тесной связи отдельно на каждом этапе, которое обусловлено тем, что помимо идентичных задач, требующих решения на обоих этапах, при установлении судебной юрисдикции перед правоприменительными органами стоят специальные задачи.

Дискреционная оценка правоприменительным органом широких критериев реализации судебной юрисдикции по разрешению трансграничных частноправовых споров («тесная связь», «правило длинной руки», «правила минимальных контактов», «направленная деятельность») сопровождается решением правоприменительным органом специальной задачи преодоления конфликта юрисдикции и соблюдения принципа равенства между судебными процессами различных государств, а также принципа международного судебного сотрудничества.

Если в случае поиска применимого права речь идет о нахождении центра тяжести правоотношения в материально-правовом аспекте, то в случае установления судебной юрисдикции задача, стоящая перед правоприменителем, имеет более формально-прагматическую окраску, решение которой имеет международно-правовое значение, заключающееся в разграничении полномочий правоприменительных органов различных государств.

Неодинаковый подход к определению тесной связи в рамках коллизионного права и международного гражданского процесса обусловлен также тем, что «иностраннный элемент», являющийся основанием проявления тесной связи спорного правоотношения с государством суда в рамках международного гражданского процесса, может быть наделен дополнительным содержанием помимо того, которое придается иностранному элементу в рамках коллизионного права.

Конструкция иностранного элемента предусмотрена в Постановлении Пленума № 23, в соответствии с которым «под делами по экономическим спорам, возникающими из отношений, осложненных иностранным элементом, понимаются дела: с участием иностранных лиц; по спорам, предметом которых являются права на имущество, иной объект, находящийся на территории иностранного государства (например, права на имущество в иностранном государстве, которыми обладает российская организация, права на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, находящиеся или зарегистрированные в иностранном государстве); по спорам, связанным с юридическим фактом, имевшим место на территории иностранного государства, в частности спору, вытекающему из обязательств, возникающих из причинения вреда, произошедшего в иностранном государстве».

В указанном Постановлении речь идет о присутствии иностранного элемента в материальном частноправовом отношении. Разделение иностранного элемента на три группы в Постановлении Пленума № 23 воспроизводит определение иностранного элемента в доктрине международного частного права: в субъектном составе отношения, в объекте или локализации за рубежом юридического факта, с которым связано возникновение, изменение или прекращение отношения.

Терминологическая неточность при оперировании категорией иностранного элемента была выявлена А. А. Рубановым, который отмечал, что элементом правоотношения является сам участник (субъект), а не его гражданство; объектом правоотношения выступает не место нахождения вещи, а сама вещь; наконец, для юридического факта как такового в структуре правоотношения вообще не находится места³¹.

³¹ Рубанов А. А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. М. : Наука, 1984. С. 91–93.

Вполне вероятно, что такого рода несоответствие теории права повлияло на то, что в п. 1 ст. 1186 ГК РФ названы лишь два наиболее часто встречающихся вида иностранных элементов, которыми может быть осложнено частноправовое отношение: иностранный субъект правоотношения и объект правоотношения, находящийся за границей. Юридический факт подразумевается в указанном пункте под иным иностранным элементом.

Гражданское процессуальное правоотношение имеет структуру традиционного правоотношения, которую составляют субъекты (управомоченные и обязанные лица), содержание (субъективное право и субъективная юридическая обязанность) и объект.

В то же время ученые-процессуалисты отмечают, что объект процессуального правоотношения существенно отличается от того понимания объекта, которое принято в юриспруденции³². Специфика объекта процессуальных правоотношений проявляется в выделении общего объекта процессуальных правоотношений и специального объекта: под общим объектом понимается лежащий за пределами процессуальных правоотношений спор о праве между участниками материально-правового отношения, который необходимо разрешить суду в исковом производстве. Специальный объект — это те «блага», на достижение которых направлено всякое правоотношение³³.

Так, М. К. Треушников в качестве специального объекта между судом и свидетелем приводит информацию о фактах, имеющих существенное значение³⁴. В работе Н. В. Ласкиной обобщены доктринальные подходы к объектам процессуальных правоотношений, в качестве которых в доктрине обозначены: интерес субъектов правоотношений, на достижение которого направлена их деятельность; результаты действий участников судопроизводства, удо-

влетворяющие процессуальный интерес лиц; внешний предмет, на который направлено поведение обязанного лица³⁵.

Такого рода объекты могут в ряде случаев иметь иностранные характеристики. Так, фактическое местонахождение лиц за рубежом может приводить к возникновению процессуального трансграничного правоотношения. Если российский гражданин пребывает за пределами РФ, то это предполагает особый порядок извещения, закрепленный в Гаагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам 1965 г.³⁶ Конвенция не оперирует понятиями гражданства и domicilio, одним из условий ее применения является передача документов за границу. Таким образом, для установления и применения международных норм, предусматривающих особые правила извещения лиц, значение имеет не гражданство субъекта, а место нахождения лица, если российский гражданин пребывает за пределами РФ³⁷.

В учебнике под редакцией Л. В. Тумановой к проявлениям иностранного элемента в процессуальных отношениях, помимо субъектного состава, относится исполнение иностранного судебного поручения или решения суда, а также применение процедуры легализации документов, составленных на территории иностранного государства или по нормам иностранного права³⁸.

Можно также обнаружить, что нагрузка на иностранный элемент при установлении международного характера частноправовых отношений и при установлении международного характера процессуальных правоотношений неодинакова. В международном частном праве вопрос о применимом праве возникает, если иностранный элемент не наличествует формально, а проявляет связь с порядками двух и более государств³⁹. Тогда как процес-

³² Ласкина Н. В. Гражданские процессуальные правоотношения между судами нижестоящих и вышестоящих инстанций // СПС «Гарант», 2015.

³³ Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. М. : Городец-Издат, 2003. С. 90 ; Зейдер Н. Б. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов, 1965. С. 50, 54.

³⁴ Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. С. 90.

³⁵ Ласкина Н. В. Указ. соч.

³⁶ СЗ РФ. 2004. № 50. Ст. 4951.

³⁷ Елисеев Н. Г. Извещение ответчика, находящегося за границей // Закон. 2016. № 6. С. 121–137.

³⁸ Туманова Л. В. Гражданский процесс : учебник / под ред. Л. В. Тумановой. М. : Проспект, 2018. С. 353 (автор темы 29 — С. А. Алешукина).

³⁹ Ануфриева Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М., 2002. С. 42.

суальные правоотношения будут приобретать трансграничный характер и в том случае, если наличие иностранного элемента не обуславливает такого рода связи. Так, рассмотрение внутреннего частнопроводного спора может привести к возникновению трансграничных процессуальных правоотношений, когда, например, возникает необходимость истребования доказательств за рубежом или же когда необходимо известить о процессе российское лицо, которое находится на территории иностранного государства.

Таким образом, при установлении судебной юрисдикции (в отличие от выбора применимого права) должно быть определено самостоя-

тельное содержание категории «тесной связи», которое обусловлено:

- решением правоприменительным органом специальной задачи преодоления конфликта юрисдикции при соблюдении принципа равенства между судебными процессами различных государств, а также принципа международного судебного сотрудничества;
- дополнительным содержанием категории «иностраннный элемент» в процессуальном правоотношении (исполнение иностранного судебного поручения или решения суда, применение процедуры легализации документов, трансграничное извещение и др.).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ануров В. Н.* Конфликт юрисдикций при оспаривании арбитражного соглашения. — М. : Инфотропик Медиа, 2013. — 196 с.
2. *Ануфриева Л. П.* Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. — М. : Спарк, 2002. — 415 с.
3. *Асосков А. В.* Основы коллизионного права. — М. : Инфотропик Медиа, 2013. — 352 с.
4. *Асосков А. В.* Принцип наиболее тесной связи в современном международном частном праве // Законодательство. — 2010. — № 11. — С. 79–86.
5. *Борисов В. Н., Власова Н. В., Лазарева Т. П., Марышева Н. И., Муратова О. В., Хлестова И. О., Шестакова М. П.* Внедоговорные обязательства в международном частном праве. — М. : ИЗиСП при Правительстве РФ: Норма: Инфра-М, 2017.
6. *Буланов В. В.* Наиболее тесная связь как процессуальная категория // Бизнес в законе. — 2012. — № 2. — С. 103–105.
7. *Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова.* — М. : Городец-Издат, 2003. — 720 с.
8. *Елисеев Н. Г.* Извещение ответчика, находящегося за границей // Закон. — 2016. — № 6. — С. 121–137.
9. *Зейдер Н. Б.* Гражданские процессуальные правоотношения — Саратов, 1965. — 72 с.
10. *Ласкина Н. В.* Гражданские процессуальные правоотношения между судами нижестоящих и вышестоящих инстанций // СПС «Гарант», 2015
11. *Международное частное право : учебник / под ред. Н. И. Марышева.* — М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, Контракт, 2018.
12. *Международное частное право : учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева.* — М. : Проспект, 2016. — 392 с.
13. *Осипов А. О.* Институт международной подсудности в арбитражном процессе. — СПб. : Юридический центр, 2014. — 174 с.
14. *Рубанов А. А.* Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. — М. : Наука, 1984. — 160 с.
15. *Стригунова Д. П.* Правовое регулирование международных коммерческих договоров : в 2 т. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юстицинформ, 2018. — Т. 2.
16. *Толстых В. Л.* Международное частное право: коллизионное регулирование. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. — 526 с.
17. *Туманова Л. В.* Гражданский процесс : учебник / под ред. Л. В. Тумановой. — М. : Проспект, 2018. — 416 с.
18. *Mann F. A.* The proper law in the conflict of laws // The International and Comparative Law Quarterly. — 1987. — Vol. 36. — No 3. — P. 437–453.

Материал поступил в редакцию 7 марта 2021 г.

REFERENCES

1. Anurov VN. Konflikt yurisdiktsiy pri osparivanii arbitrazhnogo soglasheniya [Conflict of jurisdictions when challenging an arbitration agreement]. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2013 (In Russ.).
2. Anufrieva LP. Sootnoshenie mezhdunarodnogo publichnogo i mezhdunarodnogo chastnogo prava: pravovye kategorii [Correlation of international public and international private law: legal categories]. Moscow: Spark Publ.; 2002 (In Russ.).
3. Asoskov AV. Osnovy kollizionnogo prava [Foundations of Conflict of Laws]. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2013 (In Russ.).
4. Asoskov AV. Printsip naibolee tesnoy svyazi v sovremennom mezhdunarodnom chastnom prave [Criterion of the closest connection in modern private international law]. *Zakonodatelstvo*. 2010;11:79-86. (In Russ.).
5. Borisov VN, Vlasova NV, Lazareva TP, Marysheva NI, Muratova OV, Khlestova IO, Shestakova MP. Vnedogovornye obyazatelstva v mezhdunarodnom chastnom prave [Non-contractual obligations in private international law]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norm: Infra-M Publ.; 2017 (In Russ.).
6. Bulanov VV. Naibolee tesnaya svyaz kak protsessualnaya kategoriya [Closest connection as procedural category]. *Biznes v zakone*. 2012;2:103-105 (In Russ.).
7. Treushnikov MK, editor. Grazhdanskiy protsess: uchebnik [Civil Procedure: A textbook]. Moscow: Gorodets-Publishing; 2003 (In Russ.).
8. Eliseev NG. Izveshchenie otvetchika, nakhodyashchegosya za granitsey [Service of summons to a defendant residing out of jurisdiction]. *Zakon*. 2016;6:121-137 (In Russ.).
9. Zeider NB. Grazhdanskije protsessualnye pravootnosheniya [Civil procedural legal relations]. Saratov; 1965 (In Russ.).
10. Laskina NV. Grazhdanskije protsessualnye pravootnosheniya mezhdud sudami nizhestoyashchikh i vyshestoyashchikh instantsiy [Civil Procedural Legal Relations between Courts of Lower and Higher Instances]. Legal Reference System "Garant"; 2015 (In Russ.).
11. Maryshev NI., editor. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo : uchebnik [Private International Law: textbook]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Kontrakt Publ.; 2018.
12. Dmitrieva GK, editor. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik [Private International Law: Textbook]. Moscow: Prospekt Publ.; 2016 (In Russ.).
13. Osipov AO. Institut mezhdunarodnoy podsudnosti v arbitrazhnom protsesse [Institute of international jurisdiction in arbitration procedure]. St. Petersburg : Yuridicheskiy tsentr; 2014 (In Russ.).
14. Rubanov AA. Teoreticheskie osnovy mezhdunarodnogo vzaimodeystviya natsionalnykh pravovykh sistem [Theoretical foundations of international interaction of national legal systems]. Moscow: Nauka Publ.; 1984 (In Russ.).
15. Strigunova DP. Pravovoe regulirovanie mezhdunarodnykh kommercheskikh dogovorov : v 2 t [Legal regulation of international commercial contracts: in 2 volumes]. 2nd ed., revised. and add. Vol. 2. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2018 (In Russ.).
16. Tolstykh VL. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: kollizionnoe regulirovanie [Private international law: conflict regulation]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press; 2004 (In Russ.).
17. Tumanova LV. Tumanova LV, editor. Grazhdanskiy protsess: uchebnik [Civil Process: Textbook]. Moscow: Prospekt Publ.; 2018 (In Russ.).
18. Mann FA. The proper law in the conflict of laws. *The International and Comparative Law Quarterly*. 1987;36(3):437-453.